

ПЕРВЫЙ РОССИЙСКО-ФИНЛЯНДСКИЙ СЕМИНАР МОЛОДЫХ ИСТОРИКОВ (9 ОКТЯБРЯ 2019 Г., МОСКВА)

THE FIRST RUSSIAN-FINNISH SEMINAR OF YOUNG HISTORIANS
(OCTOBER 9, 2019, MOSCOW)

ЛИМАН Игорь Геннадиевич / LIMAN Igor

Петрозаводский государственный университет / Petrozavodsk State University

Россия, Петрозаводск / Russia, Petrozavodsk

igorlim@gmail.com

ISOVIHA В ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ ФИНЛЯНДИИ *ISOVIHA IN THE HISTORICAL MEMORY OF FINLAND*

Abstract: The article deals with the Finnish historical memory of the period of Russian occupation of Finland that took place during the Great Northern War (1714–1721) and became known in Finnish historiography as *Isoviha* (lit. “the Great Hatred”). The author aims to deconstruct the ideological implications included in the *Isoviha* period as an identity-shaping symbol and to study the tools used to form and preserve memories of the period.

Ключевые слова / Keywords: Великая Северная война, Великое Лиховетье, кивики, кивикесы, историческая память / Great Northern War, *Isoviha*, the Great Hatred, *kivekkäät*, historical memory

Во время Великой Северной войны на территории Финляндии развернулись военные действия между Россией и Швецией (1710–1714 гг.), после завершения которых последовал период русской оккупации (1714–1721 гг.) — в финляндской историографии он получил название «*Isoviha*» (дословно «Большая ненависть»); в российской историографии — «Великое Лиховетье». В процессе формирования финской нации исторический опыт периода *Isoviha* был отделен от конкретных условий его формирования и преобразован во вневременное повествование; он стал одним из национальных мифов¹. Целью данной работы является деконструкция идеологических импликаций, включенных в период *Isoviha* как создающего идентичность символа, а также исследование инструментов формирования и поддержания памяти о нем.

Период *Isoviha* занимает заметное место в творчестве Сакари Топелиуса (1818–1898 гг.), что не является случайностью; история его семьи представляет собой один из примеров тех трагических случаев, которые были распространены в то время. Согласно этой истории, один из предков Сакари Топелиуса — Кристоффер Топелиус, сын таможенника, в 1714 году был пленен русскими в Оулу, а спустя

¹ *Асман А.* Длинная тень прошлого: мемориальная культура и историческая политика. М., 2014. С. 38.

некоторое время отправлен в имение русского дворянина, которое находилось в Ингерманландии. Условия его жизни были весьма приличными, но тревога не покидала Кристоффера, поэтому он сбежал во время одной из школьных поездок. Его пытались поймать, но он смог добраться до Финляндии даже с незначительными запасами пищи благодаря помощи добрых людей, которые встретились ему по пути; затем он отправился в Стокгольм, где смог быстро найти свою мать. Данная история не является уникальной, она имеет множество аналогов в семейных историях крестьян XIX–XX веков — современников Сакари Топелиуса; все они повествуют о предках, сбежавших из русского плена. Особенностью таких историй является то, что нахождение в русском плену не являлось чем-то отвратительным, страшным, но их общая черта — тоска пленников по Родине даже в хороших жизненных условиях. Данное обстоятельство позволило Сакари Топелиусу превратить свою семейную историю в инструмент воспитания в финнах любви к родному краю². Она нашла свое воплощение в сказке «Березка и звезда» («Koivu ja tähti»)³, которая является одной из самых известных в его творчестве.

В историческом романе «Рассказы фельдшера» («*Välskärin kertomuksia*»), который повествует о важнейших событиях финско-шведской истории XVII–XVIII веков, Топелиус вновь уделяет особое внимание периоду *Isoviha*. Он подробно рассказывает о разрушениях, которыми сопровождалось завоевание Финляндии, причем указывается, что разрушали города как русская, так и шведская армии. Ключевым моментом в обороне края стала осада Выборгской крепости, которая являлась единственным препятствием на пути к завоеванию остальной части Финляндии, но шведский военачальник Георг Любекер не решается вступить в бой с русской армией, несмотря на мужество финских солдат, проявленное во время обороны крепости, и их желания до последнего защищать Выборг⁴.

Сакари Топелиус приходит к выводу, что к 1714 году война потеряла свой смысл и была лишь отчаянной попыткой Швеции вернуть свое былое величие, но впереди предстояло еще 7 лет оккупации, подобных которым Финляндия никогда не знала прежде. Автор подчеркивает атмосферу постоянной угрозы и страха, которая пришла в Финляндию вместе с русской армией; теперь никто не мог быть уверен, что доживет до утра⁵. Сохранение в исторической памяти народа информации о преодолении им трудных времен — это один из ключевых факторов его единения в настоящем.

² *Vilkuna K. H. J. Viha: perikato, katkeruus ja kertomus isostavivahasta*. Helsinki, 2005. S. 519.

³ *Топелиус С.* Березка и звезда [Электронный ресурс] // Скандинавские сказки. 2008. URL: <http://s-skazka.org.ua/index.php?id=topelius&sk=15> (29.08.2019).

⁴ *Topelius Z.* Välskärin kertomuksia // The Project Gutenberg [Электронный ресурс]. URL: <http://www.gutenberg.org/cache/epub/36328/pg36328.html> (29.08.2019). (Изд. 1896 г.)

⁵ *Ibid.*

Несколько позднее Бетти Элфвинг (1837–1923 гг.) в своем дебютном историческом романе «*Härkmanin pojat*»⁶ (1887 г.) подобным образом, как и Сакари Топелиус, освещала период *Isoviha*, но отличительной особенностью ее произведения является наличие подробных исторических справок, которые погружают читателя в контекст событий, в результате чего историческая реальность и художественный вымысел переплетаются между собой, создавая абсолютно новый образ минувшего прошлого.

Период «*Isoviha*» был превращен в символ, который указывал на существующее противопоставление «мы» — «они», в результате чего был создан образ исторического врага в лице представителей конкурирующей русской нации. В этом смысле исторический опыт периода *Isoviha* оказался весьма функциональным, потому что ни один национализм не развивается вне противостояния другому, а иногда и целому ряду других национализмов⁷. В таком случае ненависть превращается в средство — инструмент, с помощью которого можно достигнуть нужной цели, потому что именно это эмоциональное состояние предполагает борьбу. В свою очередь, преувеличенный финский «героизм» являлся средством пробуждения оппозиционного духа финнов, чтобы в момент «опасности» они были готовы восстать против русских⁸. Данный символ был вполне понятен каждому финну, но его развитие по пути радикализации с момента появления во второй половине XIX века было постепенным и определялось текущей общественной ситуацией.

В начале XX века произошли изменения в нарративе *Isoviha*, которые нашли свое отражение в историческом романе Кюэсти Вилкуны (1879–1922 гг.) «Приключения Тапани Лёвлинга»⁹, который был издан в двух частях в 1911–1912 годах. В предисловии к роману автор обращает внимание читателя на важность периода *Isoviha* в истории Финляндии; подчеркивает, что он является одним из этапов многовековой борьбы финнов за создание собственного независимого государства¹⁰.

Кюэсти Вилкуна повествует о знакомых нам из творчества Сакари Топелиуса и Бетти Элфвинг сюжетах: всеобщий страх населения и поток беженцев на запад, вызванный наступлением русской армии; ошибки шведского военачальника Георга Любекера, который не смог организовать оборону Финляндии. Кроме того,

⁶ *Elfvig B.* Härkmanin pojat // The Project Gutenberg [Электронный ресурс]. URL: <http://www.gutenberg.org/cache/epub/15637/pg15637.html> (29.08.2019). (Изд. 1908 г.)

⁷ *Миллер А. П.* Нация, или Могущество мифа. СПб., 2016. С. 129.

⁸ *Вихавайнен Т.* Восточная граница исчезает. Два столетия России и Финляндии. СПб., 2012. С. 74.

⁹ *Wilkinen K.* Tapani Löfvingin seikkailut // The Project Gutenberg [Электронный ресурс]. URL: <http://www.gutenberg.org/cache/epub/13171/pg13171.html> (29.08.2019). (Изд. 1918 г.)

¹⁰ Ibid.

появляются подробности о том ущербе, который русская армия нанесла мирному финскому населению. В работах Сакари Топелиуса и Бетти Элфвинг данный сюжет был только намечен, но в произведении Вилкуны он освещается весьма подробно. Читатель узнает о многочисленных грабежах населения русской армией, о принуждении финнов воевать против своих соотечественников¹¹. Появление данной информации свидетельствует о радикализации общественных настроений в начале XX века, что связано с наступлением России на автономию Великого княжества Финляндского.

Важное место в художественной литературе, посвященной периоду *Isoviha*, занимает финское партизанское движение, участники которого известны как «кивикесы», или «кивики». Внимание национальных писателей было сосредоточено на заслугах партизан в военных действиях. Соответственно, вниманию читателя предлагается их весьма симпатичный образ — храбрые, сообразительные герои, которые безупречно знали все окрестности и без сомнения шли в бой с более сильным врагом. Указывается на то, что именно эти отряды более, чем кто-либо, сплутали хорошо продуманный план военных действий противника¹².

Сакари Топелиус в своей работе «Книга о нашем крае» («*Maamme kirja*»), которая долгие годы, вплоть до 1940-х годов, являлась школьным учебником¹³, посвящает одну из глав Тапани Лёвингу¹⁴, а в историческом романе Кюэсти Вилкуны партизан стал центральным персонажем. Основу их произведений составляют сведения из «Дневника» Лёвинга¹⁵, в котором содержатся краткие заметки о событиях, произошедших с ним за период его партизанской деятельности. Национальные писатели создали романтизированный образ Тапани Лёвинга, в котором читатели должны были увидеть не просто «одного из многих» представителей финской нации, а воплощение в себе ее лучших качеств.

Отмечу один важный эпизод из биографии Вилкуны: он был вербовщиком тайной военной организации «егерей», которая ставила перед собой задачу начать народное восстание против России¹⁶. Данное обстоятельство объясняет ту симпатию, с которой автор относится к финским партизанам. В своем произведении Кюэсти Вилкуна отмечает, что мирное население материально поддерживало Лёвинга и сообщало ему сведения о русской армии, что происходило наперекор

¹¹ Ibid.

¹² *Topelius Z. Välskärin kertomuksia.*

¹³ *Лескинен М. В. Путешествие по родной стране: описание как способ национальной репрезентации. Финляндия и финны в изображении З. Топелиуса // Одиссей: Человек в истории / Гл. ред. А. О. Чубарьян. М., 2010. С. 185.*

¹⁴ *Topelius Z. Maamme kirja: lukukirja suomen alimmille oppilaitoksille. Porvoo, 1929. S. 375.*

¹⁵ *Löfving J. Päiväkirja // The Project Gutenberg [Электронный ресурс]. URL: <http://www.gutenberg.org/cache/epub/22361/pg22361.html> (29.08.2019). (Изд. 1882 г.)*

¹⁶ *Расила В. История Финляндии. Петрозаводск, 2006. С. 169–170.*

распоряжению российских властей не помогать партизанам — это грозило жестокой расправой всем, кто проигнорирует данное требование¹⁷. Основная мысль Вилкуны сводится к тезису о единстве народа перед лицом врага.

Касаясь личных качеств другого финского партизана, Танели Луккойнена, в художественной литературе, то Сакари Топелиус говорит о нем, как о крестьянине с добрыми помыслами, которые ставят его выше любого графа Швеции; он представляет его, как самого лучшего из людей на территории между реками Сестра (*Rajajoki*) и Аурайоки¹⁸, т. е. на территории от Карельского перешейка до Юго-Западной Финляндии (*Varsinais-Suomi*). В вымышленной сцене, где встречаются Петр I и Танели Луккойнен, из уст царя звучит следующая характеристика партизанских отрядов: «...они [партизаны] ему нравятся... они выучили кадры для его [русской] армии...»¹⁹. Лестная фраза из речи победителя над побежденным говорит о том, что автор стремится подчеркнуть особую значимость их действий, которую признавал даже враг.

Еще одним важным символическим фрагментом символического целого является нарратив о братьях Херпман — партизанах, действовавших в период *Isoviha* на территории Центральной Финляндии в окрестностях Кеуруу. Их случай в некоторой степени исключительный, потому что большинство их подвигов не являются установленными историческими фактами, а известны нам из народных преданий, но ключевую роль в легитимации памяти о них выполнила именно художественная литература.

Бетти Элфвинг в своем романе «*Härkmanin pojat*»²⁰ использует их в качестве прототипа для главных персонажей, которые представляются нам в роли истинных патриотов Финляндии. В условиях повсеместного распространения страха и отчаяния в период *Isoviha* нужна была сила, которая смогла бы продемонстрировать, что еще не все потеряно, и надежда на лучшее сохраняется. Такой силой в ее романе выступают братья Херпман, которые своим примером вдохновляют других.

Шведская армия в Финляндии, возглавляемая Георгом Любекером, постоянно отступает из-за страха командующего перед русскими, поэтому многие солдаты бежали из нее, что является прямым следствием «обмана» со стороны Любекера не только финнов, но и короля, который приказал защищать Финляндию²¹. Речь Миихкали, прототипа одного из братьев Херпман, вдохновляет их вернуться в строй. Хотя в душе он согласен с обвинениями солдат в адрес Любекера, но призывает их не позорить имя «финского воина», потому что их побег — это

¹⁷ *Wilkuna K.* Tapani Löfvingin seikkailut.

¹⁸ *Topelius Z.* Välskärin kertomuksia.

¹⁹ Ibid.

²⁰ *Elfvig B.* Härkmanin pojat.

²¹ Ibid.

предательство своей страны. Не только слова Миихкали, но и его готовность пожертвовать собой вновь вернули армию в боеспособное состояние. Братья Херпман считают защиту Финляндии своей обязанностью; остаться безучастным в такой момент — это «грех и позор»²². Даже после поражения регулярной армии партизаны не намерены сдаваться; вернувшись в Кеуруу, они продолжают борьбу, а предложения прекратить сопротивление считают предательством своей Родины. В своем романе Элфвинг указывает, что сопротивление завоевателям оказывается повсеместно: на севере действует Пиетари Лонгстрём, на юге — Тапани Лёвинг, в центре страны — братья Херпман.

Почти столетие спустя в национальной литературе появилась работа «*Kolme sissii*»²³ (1980 г.), написанная Аско Мартинхеймо, где братья Херпман вновь стали центральными персонажами. Автор смещает акцент в сторону подвигов партизан, которые хотели «защитить свою Родину»²⁴. В то же время появляются упоминания о негативных последствиях их деятельности: жестокость русской армии по отношению к мирным жителям, которая стала ответом на действия партизан²⁵, хотя описания тех разрушений, которым подверглась Финляндия в период *Isoviha*, практически исчезают из поля зрения автора. На первое место выдвигаются личные качества партизан, проявленные в борьбе с врагом, в образе которого русская армия утратила свое прежнее значение.

Инструментом утверждения памяти о партизанах послужила не только художественная литература, но и другие способы коммеморации, в первую очередь, организация музейных выставок и сооружение памятников, которые являются проводником государственного дискурса, что говорит нам о сознательном закреплении в памяти определенного исторического опыта, который играет важную роль в «воображении» нации. Например, в 2014 году, в юбилейный год *Isoviha*, в некоторых городах Финляндии прошла музейная выставка, посвященная братьям Херпман²⁶; она имела нарративный характер. Личность Тапани Лёвинга также не была забыта. Ежегодно проводятся лыжные гонки (с 1957 года), названные в его честь, а усадьба партизана в Порвоо стала музеем памяти²⁷.

В настоящее время историки сходятся во мнении, что вклад партизанского движения в военные действия оказался незначительным, а достоверность подвигов братьев Херпман даже вызывает сомнения, но мы обнаруживаем, что не

²² Ibid.

²³ *Martinheimo A. Kolme sissii*. Helsinki, 1980.

²⁴ Ibid. S. 6.

²⁵ Ibid. S. 39–40.

²⁶ *Rokkonen H. Sankareita kaikki — Herpmanin poikien tarina* // DIGI — Yleisten kirjastojen digitoimaa aineistoa [Электронный ресурс]. 2015. S. 34. URL: <http://digi.kirjastot.fi/items/show/121297> (29.08.2019).

²⁷ *Ruohonen M. Sissipäällikkö Tapani Löfving ja Karuna* // *Karunan Kynttilä*. 2016. № 18. S. 8.

партизанская деятельность, а факт ее коммеморации оказался гораздо важнее для идентификации финнов себя как нации. Ценностно-смысловые ориентиры, обозначенные в работах национальных писателей, помогли финнам в борьбе за свою независимость; исторические, а не абстрактные герои их произведений стали примером для многих поколений финского народа.

Исторический роман, который является одной из форм «репрезентирования» того вида воображаемого сообщества, которым является нация, выполнил роль «приглашения» широких масс в историю²⁸, что было необходимо для их вовлечения в национальное движение. Также важно обратить внимание на активную роль профессиональных историков как «инженеров-конструкторов» исторического нарратива и «изобретателей» создающей идентичность традиции²⁹. В настоящий момент я выделяю три периода в развитии финляндской историографии *Isoviha*: 1) «функциональный» (1865–1943 гг.); 2) «постпамять» — «постфункциональный» (1944 год — начало XXI века); 3) «дисфункциональный» (с начала XXI века). Основным критерием классификации стало их отношение к формированию национальной идентичности помнящей группы.

В процессе становления финской нации историки сыграли важную роль в конструировании памяти о периоде «*Isoviha*», который в научных исследованиях «функционального» периода был утвержден в качестве национального мифа, что нашло свое отражение в работах Ирвё Сакари Ирвё-Коскинена³⁰, Карла Улофа Линдеквиста³¹ и Вильо Раута³². Внутри данного периода также можно выделить отдельные этапы: важный рубеж — 1917 год, обретение Финляндией независимости. Данное разделение не характеризуется появлением качественно нового подхода в исследованиях, но в изменившихся общественных условиях произошла радикализация взглядов в освещении периода «*Isoviha*», а также возросло его влияние как символа прошлого.

Образ «*Isoviha*», который является характерным для данного периода развития финляндской историографии, нашел свое отражение в работе «*Suomen historia*»³³, автором которой является Карл Улоф Линдеквист. Тема диссертации историка посвящена исследованию периода *Isoviha*, что говорит о его сосредоточенности на данной проблеме. Он обладал не только обширными знаниями о «содержании»

²⁸ Anderson B. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. М., 2001. С. 46.

²⁹ Шенк Ф. Б. Александр Невский в русской культурной памяти: святой, правитель, национальный герой (1263–2000). М., 2007. С. 12.

³⁰ Yrjö-Koskinen Y. S. Lähteitä ison vihan historiaan. Helsinki, 1865. 474 s.

³¹ Lindeqvist K. O. Suomen historia. Porvoo, 1926. 558 s.

³² Rauta V. Isoviha. Helsinki, 1943. 139 s.

³³ Lindeqvist K. O. Suomen historia.

периода, но мог в должной мере оценить его значение как символа прошлого в современных ему условиях.

В своей работе он подчеркивает малочисленность армии в Финляндии на этапе завоевательной кампании; ее было недостаточно для ведения оборонительных действий, что является следствием активного привлечения финнов к участию в военных действиях за пределами Финляндии, поэтому, когда враг оказался у них «дома», то не было обнаружено достаточного количества мужчин. В свою очередь вновь мобилизованные солдаты не смогли за короткий промежуток времени, 4–5 недель, получить необходимые навыки³⁴; также Линдеквист указывает на недостаточное снабжение армии, слабость ее вооружения.

В этих условиях возникло партизанское движение, которое рассматривается только с положительной стороны; его представители характеризуются как «храбрые», «прославленные» воины³⁵, что перекликается с характеристикой, которую кивикесы получили в творчестве национальных писателей. Однако указывается, что их деятельность не могла быть регулярной. Это ставит под сомнение значимость их вклада в ход военных действий, но в то же время Линдеквист высоко оценивает побуждения партизан; какая-либо отрицательная характеристика по отношению к ним отсутствует.

Особый акцент Линдеквист делает на жестокости русской армии, страх перед которой стал причиной возникновения потока беженцев, а ее продвижение по территории Финляндии сопровождалось значительными разрушениями, которые в разной степени затронули все ее области: историк предоставляет сведения о каждой из них, что подчеркивает общность судьбы всех финнов в этой войне. Линдеквист указывает, что само название периода — *Isoviha*, вполне соответствует действительности³⁶. Вывод, к которому приходит историк, можно выразить в одном предложении из его работы: «Участь финского народа выглядела наиболее мрачно [в этот период], чем когда-либо»³⁷.

Таким образом, в XIX веке возникла не только современная историческая наука, но также появились национальные мифы, в которых прошлое усваивалось путем выделения наиболее значимых моментов внутри нарратива, формирующего идентичность, а исторические научные исследования зачастую превращались в инструмент формирования национальной памяти³⁸. Финляндская историография в течение «функционального» периода была одним из инструментов утверждения памяти о периоде *Isoviha*, который стал особенной частью национального нарратива,

³⁴ Ibid. S. 330.

³⁵ Ibid.

³⁶ Lindeqvist K. O. Suomen historia. S. 332–334.

³⁷ Ibid. S. 339.

³⁸ Асман А. Длинная тень прошлого... С. 41.

потому что смог обеспечить прочные эмоциональные основы нации; ведь еще Эрнест Ренан указывал, что страдания и траур консолидируют сильнее, чем триумф и успех³⁹. Период *Isoviha* обладал не только мощной объединительной силой, но также был превращен в символ, указывающий на историческую враждебность между русскими и финнами.

В свою очередь, если нация возникает как сообщество для достижения политических целей, то главной из них становится осуществление мечты каждой нации — получение свободы, залогом и символом которой является суверенное государство⁴⁰; нация находит свое выражение в нем. Соответственно, присутствие периода *Isoviha* в национальном нарративе, увеличение его влияния как символа прошлого после обретения Финляндией независимости, предопределило конфронтационный вектор развития отношений с восточным соседом.

Под влиянием результатов Второй мировой войны для Финляндии произошли изменения в национальном нарративе, в котором не оказалось места для элемента «*Isoviha*». Данное обстоятельство указывает на начало нового периода в развитии финляндской историографии, точкой отсчета которого является 1944 год, хотя остатки «ненависти к русоя» (*Ryssäviha*) сохранялись вплоть до 1960-х годов⁴¹. Соответственно, я предлагаю обозначить данный период как «постпамять» — «постфункциональный», где первая составляющая указывает на момент разрыва, а также позволяет уловить специфику отношений между поколениями⁴², в свою очередь, вторая подчеркивает переходный характер данного периода в развитии историографии.

На некоторое время период *Isoviha* был забыт, что является важным проявлением политики памяти⁴³, а в момент своего нового появления он утратил прежнее символическое значение. Появляются исследования по истории отдельных местностей в период *Isoviha* (Микко Юва, Аулис Оя и др.), потому что в разных частях страны в разные годы положение сильно менялось, что, по мнению Эйно Ютиккала, сильно затрудняет создание общей картины периода *Isoviha*⁴⁴.

Вновь заметное место занимают сюжеты о жестокости русской армии, даже говорится о политике террора, проводимой оккупационной властью, но указывается, что данные действия имели стратегическую подоплеку⁴⁵, а оценка проводится с точки зрения их эффективности; в большинстве своем они признаются

³⁹ Там же.

⁴⁰ Андерсон Б. Воображаемые сообщества... С. 32.

⁴¹ Вихавайнен Т. Восточная граница исчезает. С. 152.

⁴² Сафронова Ю. А. Историческая память: введение. СПб., 2019. С. 161.

⁴³ Миллер А. II. Россия: власть и история // Pro et Contra. 2009. № 3–4 (46). С. 7.

⁴⁴ Кууйо Э. Финляндия во время Великой Северной войны // Труды VIII советско-финляндского симпозиума историков / под ред. В. И. Буганова [и др.]. Л., 1985. С. 12–14.

⁴⁵ Мейландер Х. История Финляндии. Линии, структуры, переломные моменты. М., 2017. С. 55.

бессмысленными, потому что стали причиной возникновения сложностей с обеспечением русской армии на оккупированной территории⁴⁶. Историки не предпринимают каких-либо попыток актуализировать результаты своих научных исследований.

Нарратив о финских партизанах, кивикесах, претерпевает кардинальные изменения в финляндской историографии. Теперь историки делают акцент на отрицательных сторонах партизанского движения: жестокие наказания мирных жителей со стороны русской армии из-за деятельности партизан. Соответственно, появляются указания на отсутствие их повсеместной поддержки и даже на существование ненависти к ним⁴⁷, причем часто эта враждебность была направлена ко всей прежней шведской власти, которая привела страну к гибели⁴⁸. Также четко указывается, что действия партизан не внесли значительного вклада в ход военных действий⁴⁹.

В 2005 году появилось исследование Кустаа Вилкуны «*Viha: perikato, katkeruus ja kertomus isostavibasta*»⁵⁰, которое демонстрирует новое восприятие периода *Isoviha* как символического элемента прошлого. Одной из его задач стало изучение причин, которые побудили финнов охарактеризовать период как *Isoviha*. Речь идет об исторических нарративах, которые способствовали утверждению «мифа», превращении «периода в эпоху»⁵¹, что позволяет охарактеризовать его исследование как открывающее качественно новый период, потому что изучать традицию — значит быть более не в силах однозначно распознать ее носителей⁵²; финны больше не идентифицируют себя с наследием периода *Isoviha*. Соответственно, данный период я обозначил как «дисфункциональный», но его хронологические рамки весьма условны, потому что в данном случае не произошло разрыва, а наблюдается континуитет в развитии историографии.

Я прихожу к заключению, что в своем символическом значении период *Isoviha* обладал не только мощной объединительной силой, но также указывал на историческую враждебность между русскими и финнами, а важным элементом периода *Isoviha* как символического целого стали финские партизаны — кивикесы, образ которых задал критерии для определения своей принадлежности к одному сообществу — финской нации. В настоящее время они не исчезли из исторической памяти финнов, а их образ продолжает выполнять идентификационную функцию.

⁴⁶ Karonen P. Pohjoinen suurvalta. Ruotsi ja Suomi 1521–1809. Porvoo, Helsinki, Juva, 1999. S. 319.

⁴⁷ Mäntylä I. Suurvaltakausi // Suomen historian pikkujättiläinen / Ed. by S. Zetterberg. Helsinki, 2003. S. 266.

⁴⁸ Кууйо Э. Финляндия во время Великой Северной войны. С. 15.

⁴⁹ Mäntylä I. Suurvaltakausi. S. 266.

⁵⁰ Vilku K. H. J. Viha: perikato, katkeruus... 623 s.

⁵¹ Ibid. S. 13.

⁵² Франция–память. СПб., 1999. С. 23.

В свою очередь, нарратив *Isoviha* оказался дисфункционален, но даже его забвение является важным маркером ценностно-смысловых ориентиров национального сообщества.

Список литературы

Андерсон, Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма / Б. Андерсон ; пер. с англ. В. Г. Николаева. — Москва : «КАНОН-пресс-Ц» ; «Кучково поле», 2001. — 288 с.

Ассман, А. Длинная тень прошлого: мемориальная культура и историческая политика / А. Ассман ; пер. с нем. Бориса Хлебникова. — Москва : Новое литературное обозрение, 2014. — 328 с.

Вихавайнен, Т. Восточная граница исчезает. Два столетия России и Финляндии / Т. Вихавайнен ; пер. с фин. А. И. Рупасова. — Санкт-Петербург : Нестор-История, 2012. — 248 с.

Кууйо, Э. Финляндия во время Великой Северной войны / Э. Кууйо // Труды VIII советско-финляндского симпозиума историков / под ред. В. И. Буганова [и др.]. — Ленинград : Изд-во «Наука», 1985. — С. 12–15.

Лескинен, М. В. Путешествие по родной стране: описание как способ национальной репрезентации. Финляндия и финны в изображении З. Топелиуса / М. В. Лескинен // Одиссей : человек в истории / Ин-т всеобщ. истории РАН ; [гл. ред. А. О. Чубарьян ; сост. С. И. Лучицкая]. — Москва : Наука, 2010. — С. 175–204.

Мейнандер, Х. История Финляндии. Линии, структуры, переломные моменты / Х. Мейнандер ; пер. со швед. З. Линден, С. Машкова. — Изд. 2-е, доп. и испр. — Москва : Изд-во «Весь Мир», 2017. — 256 с.

Миллер, А. И. Россия: власть и история / А. И. Миллер // Pro et Contra. — 2009. — № 3–4 (46). — С. 6–23.

Миллер, А. И. Нация, или Могущество мифа / А. И. Миллер. — Санкт-Петербург : Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2016. — 146 с.

Расила, В. История Финляндии / В. Расила ; пер. с фин. Л. В. Суни. — Изд. 2-е, доп. и испр. — Петрозаводск : Изд-во ПетрГУ, 2006. — 360 с.

Сафронова, Ю. А. Историческая память: введение : учеб. пособие / Ю. А. Сафронова. — Санкт-Петербург : Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2019. — 220 с.

Топелиус, С. Березка и звезда / С. Топелиус // Скандинавские сказки [Электронный ресурс]. — 2008. — URL: <http://s-skazka.org.ua/index.php?id=topelius&sk=15>. — (29.08.2019).

Франция—память / П. Нора [и др. ; пер. с фр. Д. Хапаевой]. — Санкт-Петербург : Изд-во СПбГУ, 1999. — 328 с.

Шенк, Ф. Б. Александр Невский в русской культурной памяти: святой, правитель, национальный герой (1263–2000) / Ф. Б. Шенк ; пер. с нем. Е. Земсковой, М. Лавринович. — Москва : Новое литературное обозрение, 2007. — 592 с.

Elfving, V. Härkmanin rojat / V. Elfving // The Project Gutenberg [Электронный ресурс]. — 1908. — URL: <http://www.gutenberg.org/cache/epub/15637/pg15637.html>. — (29.08.2019).

Karonen, P. Pohjoinen suurvalta. Ruotsi ja Suomi 1521–1809 / P. Karonen. — Porvoo ; Helsinki ; Juva : WSOY, 1999. — 533 s.

Lindeqvist, K. O. Suomen historia / K. O. Lindeqvist. — Porvoo : WSOY, 1926. — 558 s.

Löfving, S. Päiväkirja / S. Löfving // The Project Gutenberg [Электронный ресурс]. — 1882. — URL: <http://www.gutenberg.org/cache/epub/22361/pg22361.html>. — (29.08.2019).

Martinheimo, A. Kolme sissää / A. Martinheimo. — Helsinki : Kirjayhtymä, 1980. — 88 s.

Rauta, V. Isoviha / V. Rauta. — Helsinki : Sanatar, 1943. — 139 s.

Rokkonen, H. Sankareita kaikki — Herpmanin poikien tarina / H. Rokkonen // DIGI — Yleisten kirjastojen digitoimaa aineistoa [Электронный ресурс]. — 2015. — S. 32–34. — URL: <http://digi.kirjastot.fi/items/show/121297>. — (29.08.2019).

Ruohonen, M. Sissipäällikkö Tapani Löfving ja Karuna / M. Ruohonen // Karunan Kynttilä. — 2016. — № 18. — S. 7–8.

Mäntylä, I. Suurvaltakausi / I. Mäntylä // Suomen historian pikkujättiläinen / ed. By S. Zetterberg. — Helsinki : WSOY, 2003. — S. 181–272.

Topelius, Z. Maamme kirja: lukukirja suomen alimmille oppilaitoksille / Z. Topelius. — Porvoo : WSOY, 1929. — 511 s.

Topelius, Z. Välskärin kertomuksia / Z. Topelius // The Project Gutenberg [Электронный ресурс]. — Porvoo : WSOY, 1896. — URL: <http://www.gutenberg.org/cache/epub/36328/pg36328.html>. — (29.08.2019).

Vilkuna, K. H. J. Viha: perikato, katkeruus ja kertomus isostavihasta / K. H. J. Vilkuna. — Helsinki : Suomalaisen Kirjallisuuden Seura, 2005. — 623 s.

Wilkuna, K. Tapani Löfvingin seikkailut / K. Wilkuna // The Project Gutenberg [Электронный ресурс]. — 1918. — URL: <http://www.gutenberg.org/cache/epub/13171/pg13171.html>. — (29.08.2019).

Yrjö-Koskinen, Y. S. Lähteitä ison vihan historiaan / Y. S. Yrjö-Koskinen. — Helsinki, 1865. — 474 s.